

Чжэн Бо узнал новости раньше меня и тут же вернулся из-за городских стен, чтобы сопроводить меня во дворец. По пути он понемногу рассказывал о том, что успел разузнать: в день моей ссоры с Вэй Хуань кто-то тайно донёс дежурному канцлеру, будто Ли Шэн по дороге в столицу вступил в сговор с внешними чиновниками и замышлял недоброе. Канцлер, разумеется, не посмел действовать на свой страх и риск, а немедленно доложил об этом матери и Ли Жую. Обвинение было столь тяжким, что, правда это или нет, расследовать всё равно пришлось. На совете перед императором постановили отправить для допросов Цю Шэньцзи. Дальше — история о том, как низложенный наследный принц, не желая подвергаться допросам и суду, принял яд. Откуда взялся яд и как именно он умер — никто не знал.

Я думала, раз уж мне заранее была известна судьба Ли Шэна, горевать не стоит. Но, услышав о его смерти, почувствовала, будто что-то дрогнуло внутри. Слезы тихо потекли — не потоком, но и не одна-две капли. На душе стало тяжело, не до боли, но очень неприятно.

Это была жизнь живого человека, моего родного брата, двадцать лет бывшего наследным принцем великой Тан. И вот эта жизнь угасла так тихо, что даже точное время кончины осталось неизвестным.

Я не знала, был ли он спокоен в последний миг, оставалась ли в его сердце обида. Знаю лишь одно: когда-то его жизнь значила куда больше, чем моя и Вэй Хуань. Когда я родилась, он уже был наследным принцем. Мы, младшие дети, жили с родителями во дворце Дамин, и весь наш мир ограничивался окрестностями чертога Цзычэнь. Паланкины и прочие атрибуты нам были не нужны. Когда являлись сановники, придворные дамы или жёны чиновников, мы, пользуясь малолетством, могли без стеснения встречать их, говорить, когда хотелось, или молчать. Церемонии нас тоже не слишком стесняли.

Но Ли Шэн был иным. Он жил один в Восточном дворце, и каждый его приезд сопровождала пышная свита. Встречая людей — будь то сановники, члены императорского рода или дамы, — он всегда соблюдал все правила, ни на йоту не теряя достоинства. Даже мы с Ли Жуюем, повстречав его, должны были почтительно кланяться и отвечать с осторожностью. Иногда, когда мы резвились в его присутствии, это походило не на игру с братом, а на общение с отцом. Самое неподобающее для наследного принца, что он, по моим воспоминаниям, когда-либо совершил, — это когда в тот год в округе Жу взял нас с Ли Жуюем ловить привидений.

Порой мы с Ли Жуюем боялись его даже больше, чем отца. Отец в наших глазах часто был просто немолодым человеком, а вот то, что Ли Шэн — наследный принц и от нас совершенно иной, было вбито в нашу плоть и кровь с самого рождения.

И такой человек умер так жалко.

А если даже Ли Шэн окончил так, то что ждёт Ли Жуя? Меня? Вэй Хуань?

Вэй Хуань говорила, Ли Шэна вызвал в столицу Ли Жуй, а мать не желала его смерти. Но если так, зачем было посылать на допрос Цю Шэньцзи — известного жестокостью и притом старинного недруга Ли Шэна, — а не кого-то другого? Разве мать вовсе не знала, что Ли Жуй вызывает брата, и не могла остановить? Разве Ли Жуй, видя, что посылают именно Цю Шэньцзи, не понимал, что последует? С какими чувствами он принимал это решение? Ведь это был его родной старший брат, на которого он когда-то опирался.

Вэй Хуань снова обманывает меня или действительно не ведаёт? Что она думает о матери, а мать — о ней? Не заключили ли они наедине какую-то сделку, раз Вэй Хуань так уверенно

говорит мне не беспокоиться о ней? Или она просто уверена, что у матери остался лишь Ли Жуй, и потому бесстрашна?

Если взглянуть со стороны матери: два сына — можно стравливать и балансировать. Один сын — уже угроза. Неужели мать вправду захочет свергнуть Ли Жуя и возвести на престол его сына? А если так поступит, как сможет оставить Вэй Хуань, номинальную мать императора? Как тогда определит её статус?

Прожив месяц вдаль от суеты, я снова ощутила страх, знакомый всем, кто на вершине: страх несвободы. Только не знала, кого именно мне бояться.

***

Ваньэр снова проснулась от кошмара. С тех пор как императрица У стала наставлять принцессу в делах брачных и заодно вручила ей тот свиток с изображениями, такие сны не отпускали её уже несколько месяцев.

Поначалу в них являлись незнакомые мужчины и женщины, а действия их сводились к простому раздеванию и соитию, не выходя за рамки нарисованного. Каждый раз на самом важном месте появлялась императрица У и останавливала их, а Ваньэр просыпалась, а засыпая вновь, уже не думала об этом — сны тогда были просто снами. Даже во сне Ваньэр отчётливо сознавала, что это лишь видения, и, едва замечая подобные сцены, сама же их и прерывала. Так что эти постыдные вещи оставались для неё лишь картинками на свитке. Хотя они и смущали, терпеть ещё было можно.

Но Ваньэр, нося в душе свою тайну, стала внимательнее к поведению окружающих и постепенно заметила многое, на что раньше не обращала внимания или не задумывалась. Например, евнух Гао Яньфу, служивший при императрице У, очень сблизился с одним из чиновников Дворцового управления. Раньше она думала — земляки, потому и ладят, а теперь их отношения казались куда более тесными. Госпожа А-Цин, всегда державшаяся особняком и ни с кем не водившая близкой дружбы, величала начальника дворцовой стражи Чжоу Вэньюаня «господином Чжоу». После кончины прежнего императора Ян Цзыгао сослали в даосский монастырь, и госпожа Лу из Приказа Дяньчжун провожала его, рыдая навзрыд...

Ваньэр не могла не размышлять об этом, и мысли её всё больше уходили в странные стороны. Если такие, как Гао Яньфу, Ян Цзыгао или Чжоу Вэньюань, да и прочие дворцовые евнухи, могли расположить к себе придворных дам, то явно не из-за своего характера, внешности или красноречия. Сблизиться с женщинами они могли лишь благодаря своему «мужскому» статусу. При покойном императоре во дворце не раз запрещали евнухам сблизиться с придворными. Если бы они и впрямь были в этом плане бесполезны, к чему бы такие запреты? Но судя по рисункам, в делах мужчины и женщины, кажется, у мужчины есть нечто, чего лишена женщина. Евнухов, конечно, оскотили, иначе их не допустили бы к наложницам. Если так, то что же они делали, ночуя с придворными дамами? Неужели из-за страсти к долгим беседам ложились с ними, рискуя нарушить запрет и скрываясь ото всех?

Эти вопросы глубоко засели в душе Ваньэр, лишая её покоя. Ответов она жаждала, но, с одной стороны, страшилась строгих дворцовых правил и не смела заикаться, с другой — была воспитана в строгости и стыдилась таких тем. Так что сомнения копились в сердце, превращаясь в болезнь. Она ворочалась с боку на бок, а сны между тем становились всё причудливее: сначала неподвижные сцены между мужчиной и женщиной обрели странные позы и движения, затем мужчины постепенно переставали быть мужчинами — сначала лишались своего мужского достоинства, потом лица их становились женственными, как у

евнухов, а затем и тела делались тоньше и изящнее, и даже появлялась грудь.

Императрица У по-прежнему являлась в этих снах, но уже не как наблюдательница, а как участница. То она была женщиной, корчащейся в страсти, то — мужчиной с искажённым лицом, а то — и тем, и другим сразу. Ваньэр уже не могла, как прежде, легко отделять сон от яви. Порой она так погружалась в видение, что просыпалась лишь на рассвете, вся в поту, раздражённая и смущённая. Порой, захваченная страстью, она пробуждалась от стыда, но, открыв глаза, всё ещё чувствовала сладостное послевкусие.

А сегодня сон перешёл все границы: она сама стала женщиной, а императрица У — мужчиной. Во сне она была наложницей, которую император любил больше всех, вознося над прочими. Остальные завидовали и строили козни, но императрица У оставалась непреклонной. Она даже устроила для неё купание в тёплых источниках, сама помогала одеться, а потом начались такие нежности и страсть, наслаждение от которых было неземным. Всё рухнуло, лишь когда Ваньэр увидела своего деда и отца, приближающихся издалека.

<http://bllate.org/book/16278/1466956>